

Приглашение на сцену:

Первая пленарная дискуссия «Экономика России. Курс на новую индустриализацию». На сцену приглашаются Модератор Бабкин Константин Анатольевич, председатель Московского экономического форума, президент Промышленного Союза «Новое Содружество».

Докладчики:

Светлана Данилина, вице-президент АО «Таурас-Феникс»

Оксана Дмитриева, член Комитета Государственной Думы ФС РФ по бюджету и налогам

Салис Каракотов, генеральный директор АО «Щелково Агрохим»

Андрей Клепач, главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ

Роберт Нигматулин, академик РАН, научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова

Олег Сосковец, российский государственный деятель, президент Союза отечественных товаропроизводителей.

Константин Бабкин: Добрый день, уважаемые друзья. Приветствую вас на нашей интеллектуальной площадке, площадке интеллектуального обмена. Я очень рад объявить очередной VII Московский экономический форум открытым. О чем мы будем говорить?

Мы будем говорить о том, что мир меняется, о том, что многополярность этого мира становится фактом. Будем говорить о том, что этот процесс не простой. Будем говорить о том, что шаблоны, по которым действует правительство, сформировались еще в прошлой эпохе, и эти шаблоны во многом уже не работают. И вот эта работа по шаблонам устаревшим, она рождает большие риски, связанные с огромными потерями.

Я приветствую коллег, тут два десятка представителей других стран, приехавшие издалека. Уже сам факт того, что эти люди пересекли многие границы, свидетельствуют о мужестве, на самом деле. Они совершили непростое путешествие с логистической точки зрения, и с точки зрения политической, потому что дипломаты не всегда справляются со своей работой. При этом представители стран и народов должны разговаривать.

Мы обсудим многие вопросы международной повестки. Будут предложены реальные механизмы взаимовыгодного, взаимоуважительного сотрудничества. Однако сейчас на первой дискуссии первым делом мы обсудим состояние России. Обсудим его с разных точек зрения. Обсудим политику, культуру, эстетику, образование, социальное устройство нашей страны. В целом, за эти два дня, мы проведем 18 круглых столов, где эти темы будут подняты.

Мы все понимаем, что у России есть огромный потенциал. Мы все понимаем, что в России с многих точек зрения все должно быть и может быть гораздо лучше. Но наш Форум московский экономический, поэтому будем, в первую очередь, конечно, обсуждать экономические вопросы, экономическую политику, ведь от того, как будет развиваться

экономика России, зависит ее социальное, психологическое состояние, и будет зависеть отношение к нашей стране извне. Поэтому первую пленарную дискуссию мы посвятили экономическому состоянию, экономической политике, проводимой в нашей стране.

То, что шаблоны изменились, и старые шаблоны не подходят, полностью относится и к этой теме. Не так давно мы жили в той концепции, что мы должны вписываться в мировую экономику, или в западную экономику. Мы должны служить мостом между Западом и Востоком. То есть России отводилась такая роль что ли придатка, или чего-то такого, что должно быть частью глобальной экономики.

Но ситуация изменилась с наплывом санкций, со многими конфликтами, которые происходят в мире. Концепция поменялась, и сегодня мы строим суверенную экономику. Об этом прямо говорит наш Президент. Он требует восстановить технологический суверенитет в нашей стране. Это совсем другая концепция. При этом мы видим, что налоговая политика, денежно-кредитная политика, внешнеторговая политика, они движутся, они действуют по тем самым старым шаблонам и нацелены на встраивание России в западную экономику, что уже является полным абсурдом, и требуется тут новая, совершенно иная философия.

И наш Форум призван тут сыграть серьезную роль. Мы не встроены в вертикаль власти. Наш Форум свободен от давления. Нам легче говорить о новой философии, ведь практически невозможно изменить систему, находясь внутри, и являясь частью этой системы. А у нас такая площадка, которая находится как бы извне, и мы свободны от догм, и можем свободно рассуждать на темы развития нашей страны. То есть мы можем предлагать концепции развития и нашей страны, и мира.

Мы опубликовали на сайте проект рекомендаций нашего Форума, которые относятся к вопросам экономики. Там мы прописываем, что России нужны низкие налоги. Налоговая система должна быть нацелена на развитие, и не сырьевое, в первую очередь, развитие. Нужен разумный протекционизм и взаимовыгодность в международной торговле, а не нацеленность России на встраивание в чьи-то, построенные кем-то производственные цепочки. Нам нужна мягкая и денежно-кредитная политика, нужны дешевые доступные кредиты и потребителям, и производителям.

Все это написано в проекте наших рекомендаций. Если в процессе Форума какие-то есть дополнения, поправки, пожалуйста, высказывайте, все это учтем и потом опубликуем в итоговом документе нашего Форума. Но, в целом, мы, организаторы Форума, видим, что Россия имеет огромный потенциал. Ответом на многие вызовы должно быть проведение новой индустриализации, бурное технологическое развитие. Мы уверены, что все это возможно, и надо предложить конкретные реалистичные рецепты вот этих лекарств, которые живительным образом подействуют на организм такой прекрасный, очень живучий, очень сильный организм под названием Россия. Спасибо.

Первая пленарная дискуссия называется «Экономика России. Курс на новую индустриализацию». Первой я хотел бы предоставить слово Дмитриевой Оксане

Генриховне. Она депутат Государственной Думы Российской Федерации. Но прежде чем предоставить слово, я хочу ее поздравить с днем рождения, который у нее состоялся вчера. Нам очень приятно, что вы в этот день присутствуете с нами. Спасибо.

(аплодисменты)

Оксана Дмитриева: Просьба поставить презентацию.

(технические проблемы)

Константин Бабкин: Можно начать пока.

Оксана Дмитриева: Вообще довольно сложно, хотелось, чтобы поставили, потому что наглядно... Давайте я начну, надеюсь, все-таки поставят... Может быть, начнет кто-то, у кого нет презентации?

Константин Бабкин: Давайте. Каракотов Салис Добаевич, генеральный директор компании «Щелково Агрохим», академик Российской академии наук, доктор химических наук.

Салис Каракотов: Да, рад приветствовать всех участников и выступающих. И, конечно же, лозунг курс на новую индустриализацию, это, конечно же, веление времени. У меня приготовлена презентация, вот она. Друзья, сегодня я хочу осветить тему, которую, собственно говоря, все знают. Это сельское хозяйство и ресурсы для сельского хозяйства.

Для начала обратите внимание на этот ломаный график, на котором мне почему-то показалось, в общем-то, кроются все наши проблемы. Здесь представлено за 20 лет движение ВВП на душу населения наше (синее) и китайское (красное). Посмотрите, мы вообще-то длительное время были впереди, и достаточно далеко впереди. И это, несмотря на то, что вот эта ломаная синяя, она показывает, конечно же, колебания курса. Здесь все измеряется в долларах США.

В то же время, Китай спокойненько, уверенно, и тихо двигался вперед. Нельзя сказать, чтобы тихо, потому что последние годы, когда мы в два раза падали, мы падали с 2009-го на 2010-й, мы падали с 2014-го на 2015-й, и мы упали с 2021-го на 2022-й. Вот эти пики вниз, они показывают вот это падение. У Китая никаких таких треволнений не происходило. Вот эта вещь, она влияет на всю нашу экономику.

И я представляю компанию, которая 25 лет производит средства защиты растений, и я сейчас покажу, как мы вообще в этой действительно кошмарной ситуации, как мы двигались. Следующий слайд. Вот мы двигались, тем не менее, уверенно вверх. Вот эта красная линия показывает суммарный рынок средств защиты растений, а без средств защиты растений не было бы этих рекордов, о которых уже каждый руководитель от мала до велика вещает в нашей стране. И сегодня производство средств защиты растений это 216 тысяч тонн практически с нуля. То есть, начиная с 2010 года, даже и раньше.

В то же время, вот эта синяя линия показывает снижение импорта. Особенно снижение импорта наметилось после 2015 года, это тоже понятно почему. Хотя, честно говоря, мы меньше потребляем СЗР, чем все другие страны на гектар.

Теперь посмотрите, в общем-то, наше собственное предприятие, которое практически ни разу не споткнулось за эти 25 лет, и мы достигли примерно сегодняшнего уровня, где-то порядка 40 млрд производство. Но при этом, посмотрите, если говорить в долларовом эквиваленте, то мы, конечно же, далеко отстали. Мы выросли в рублях в 15 раз. Мы выросли в валюте в пять всего-навсего раз, то есть всякий раз, вот там падали один раз на 32% по валютному измерению. То есть, достигая определенного уровня, условно говоря, 200-300 млн, мы падали вниз, потому что происходило это с курсом. Но в объемах, тем не менее, мы выросли в десять раз.

Таким образом, вообще наши возможности, если бы не было этой глобальной зависимости от этого злого доллара, конечно, наши возможности были бы гораздо больше. Мы гораздо быстрее импортозаместили бы то, что сейчас происходит с достаточно большим трудом. Потому что на них, на наших, в общем-то, конкурентах, эта ситуация не влияет нисколько.

Теперь хочу отметить, все-таки, может быть, мы плохо работаем или мы меньше имеем производительность труда в нашей стране, потому что ВВП все-таки это. Отдельные действительно отрасли работают на высочайшем уровне. Вот это наша производительность труда на одного человека в миллионах рублей. Выработка на одного человека составляет 32 млн, это почти 500 тысяч долларов, при том, что общая на душу населения у нас значительно ниже. Поэтому я хочу сказать, что, в общем-то, у нас есть отрасли, где высокая производительность труда, высокая эффективность, и, конечно же, востребованность.

Теперь возможности. Все-таки почему мы так сильно зависим. Посмотрите, рядом со мной сидит уважаемый господин Сосковец, он должен знать эти цифры. СССР производил 300 тысяч тонн действующих веществ, тех, которые мы покупаем за рубежом, на 23 предприятиях. Причем, обратите внимания, как были равномерно распределены, на территории России было 13 предприятий, на территориях бывших республик было десять предприятий. Суммарно – 300 тысяч тонн производили средств защиты растений.

То, что сейчас, обратите внимание, на территории России мы производим 120 тысяч, и еще примерно чуть меньше поставляет за граница. Вот такая зависимость. Но она, кстати, 20 лет назад была совсем обратной, – 80% был импорт, 20% было российское.

Мы, конечно же, зависим, в первую очередь, от молекул, которые должны производить сами. Новая индустриализация требует, чтобы мы обратились к нефтехимикам. Нефтехимики – это те люди, которые, в общем-то, имеют деньги. У меня пролистывание остановилось. Если кто-то нажмет на кнопку, мы увидели бы.

Вот так мы ежегодно покупаем почти на 750 млн долларов тех продуктов, которые мы могли бы делать сами. Это, конечно же, мы зависим от нашей нефтепереработки, которая практически ушла в ноль. Кроме переработки в бензин, солярку и мазут, мы ничего из нефтехимии не получаем. Мы химики, все то, что мы производим сами, мы получаем вот эти компоненты из-за рубежа, к сожалению. За исключением воды дистиллированной, каких-нибудь таких тривиальных растворителей, спирт какой-нибудь, ксилол, который тоже продукт нефтепереработки. Но сложной химии мы, к сожалению, не получаем.

Мое мнение такое, что все-таки должно быть государственное внимание на проблемы нефтехимической переработки. Мы производители средств защиты растений, простые вещи, такие, которые должны производиться на каждом нефтехимическом заводе, это кислоты, щелочи, ангидриды, хлорангидриды, извиняюсь за непонятные слова, мы должны получать, и из них комплектовать молекулы. Вот этого у нас не происходит.

Если поставить курс в области химии, нефтехимии и производств средств защиты растений, без которых невозможно, мы сегодня должны ставить задачу перед нефтехимиками. Это мое глубочайшее убеждение, потому что вся наша нефть, поступающая в Китай, обратно к нам возвращается в виде этих, в общем-то, сложных и несложных молекул. На это хотел я обратить внимание участвующих и поблагодарить за внимание. Спасибо.

(аплодисменты)

Константин Бабкин: Спасибо, Салис Добаевич, во-первых, за то, что вы уложились в регламент восьмиминутный. Во-вторых, за прекрасный пример того, как может отрасль возрождаться, и прекрасный пример того, что имеет огромный потенциал такая наукоемкая, капиталоемкая отрасль, как производство средств защиты растений. Тем более, еще и важная, с точки зрения продовольственной безопасности, развития сельского хозяйства. Удачи вам и спасибо за интересную презентацию.

Презентация Оксаны Генриховны получится? Да. Пожалуйста, Оксана Генриховна.

Оксана Дмитриева: Спасибо большое. Я хочу, собственно говоря, Константин Анатольевич сказал, что нельзя жить по старым шаблонам. Да, по шаблонам последних десятилетий жить нельзя, а вот если немножечко вглубь пойти, то оттуда, наверное, много и шаблонов, и даже количественных параметров можно взять. Я хотела в своей презентации сравнить индустриализацию в России: царскую индустриализацию, социалистическую и, условно говоря, новую.

Периодичность. Царская индустриализация началась с реформы Витте, первая, там два периода, условно, до кризиса 1891-1901 год, и затем, после кризиса, условно говоря, 1907-1913. Будем считать, объединим эти два периода и с 1891-го по 1913 год, рост промышленного производства в 4,6, практически в пять раз. Локомотивом на первый период были, безусловно, строительство железных дорог.

Социалистическая индустриализация, о которой все мы, родом из СССР, прекрасно знаем, 1928-1940-й. Рост в шесть раз промышленного производства, при этом машиностроение в 30 раз. Локомотивы – электрификация, и в целом, опережающее развитие группы «А».

Считаем, до 2013 года у нас была деиндустриализация, и в 2013-2014 году мы как бы догнали самих себя. И примерно вышли после спада на уровень промышленного производства, который был на конец 80-х – начало 90-х годов. И, в общем, объявили курс на новую индустриализацию, но темп роста всего 12%, хотя уже были санкции, и была необходимость развития ВПК. Начнется ли новая индустриализация с 2023 года, – это вопрос.

Факторы индустриализации какие. Финансирование, технологии, оборудование, кадры ИТР, кадры рабочих.

Теперь посмотрим, где и какие лимитирующие факторы. Царская индустриализация. Финансирование было ограничено, в принципе, желтое – это плюс-минус, то есть нельзя сказать, что ресурсы в дефиците, но и нельзя сказать, что он безграничен. То есть они были на внешнем рынке, их можно было приобрести, как и финансы, так и технологии, оборудование, кадры ИТР. Кадры рабочих – неограниченное количество из сельского хозяйства, то есть отток.

Социалистическая индустриализация. В дефиците финансы, источники технологий, оборудование, кадры ИТР с большим трудом, но все-таки обеспечивались, и неограниченное количество рабочих.

Теперь что касается новой индустриализации и на будущее. Неограниченный фактически ресурс это финансирование. Источник огромный. На первом этапе технологии, оборудование в принципе мировой рынок обеспечивал, а кадры ИТР и кадры рабочих уже с 2014 года это огромный дефицит. На будущее единственный фактор индустриализации, который у нас есть и которым нужно просто воспользоваться, это финансы. Все остальное в дефиците.

Теперь рассмотрим финансирование индустриализации какое было. Царская индустриализация. Преимущественно источник финансирования на 50% это иностранные займы и прямые иностранные инвестиции. При этом нормопотребления высокое, и большой отток средств на возмещение внешних займов. И следствие, внешняя задолженность, за которую не пришлось расплачиваться, благодаря революции.

Социалистическая индустриализация. Собственные средства промышленности. Промышленность практически налоги не платила. Источник – бюджет, перераспределение сельского хозяйства. Чрезвычайно низкая норма потребления, что и обеспечивало сохранение ресурсов для индустриализации.

Новая индустриализация. Собственные средства промышленности, при этом промышленность платит налоги в бюджет. При высокой норме потребления, в целом по стране, отток в виртуальный сектор, бумажную экономику, и результат – отсутствие индустриализации.

Технологии и оборудование, иностранные и отечественные, доступность. Царская индустриализация, 60% к 1913 года было иностранное оборудование. Социалистическая индустриализация, в общем-то, вышла на собственное производство и собственные технологии. Новая индустриализация, технологии иностранные и старые советские, импортное оборудование, в общем, на 60% говорят, что в некоторых отраслях уже 40, но, не знаю, в целом, в среднем, наверное, около 60-ти.

Очень интересно, как снижалась зависимость импорта машиностроения в Российской империи в связи с вступлением в войну. В 1913 году 30% в оборудовании, которое

поставлено в промышленность, было импортное, а к 1917 году уже 15%. То есть, в общем, страна-то быстро разобралась в условиях военного времени.

Кадры для индустриализации. Здесь самое интересное. Кадры ИТР для индустриализации. Рост инженеров с высшим образованием. Царская индустриализация – в пять раз; социалистическая индустриализация, по разным данным, от 6 до 20 раз; а наша с 2014 года, только снижение инженеров с высшим образованием.

Численность специалистов с высшим образованием по специальностям, это тоже интересно, я сразу проценты скажу. Итак, соотношение инженеров с юристами и экономистами. Вот сравним. В 1928 году инженеров, занятых в народном хозяйстве, было почти в 4 раза больше, чем экономистов. В 2020 году выпуск инженеров всего на 30% больше, чем экономистов. А если мы сложим экономистов с юристами, то в 1928 году инженеров было практически в два раза больше, чем экономистов с юристами; в 1940 году было в четыре раза больше. А на данный момент мы выпускаем инженеров меньше, чем экономистов и юристов, вместе взятых. Вот это о какой вообще индустриализации можно говорить.

Кадры рабочих. В целом, рост в царской индустриализации в 2,6 раз, практически около трех. Социалистическая индустриализация – примерно то же самое. Новая индустриализация – снижение. И подготовка кадров, опять же, социалистическая индустриализация – в семь раз рост подготовки ФЗУ и ПТУ. С 2014 года по 2022 год – 63%, то есть снижение на 37%.

Итоговая динамика. Царская индустриализация, рост промышленного производства в 4,6 раз. Рост численности рабочих в 2,6, то есть, видите, существенный рост производительности труда. И рост числа инженеров с высшим образованием в пять раз.

Социалистическая индустриализация, рост промышленного производства в шесть раз, рабочих в 2,7, инженеров с высшим образованием – в 6,20 раз.

Теперь смотрим, что у нас. Рост на 12%, снижение численности рабочих. Инженеров даже просто не считают, вообще, не считают нужным давать эту статистику. Вообще, со статистикой хуже всего.

И последний слайд, буквально еще минута, какие выводы.

Во-первых, нужно увеличение финансирования промышленности. Источников достаточно. За счет перераспределения через бюджет, и основной источник это сырьевой экспорт.

Следующее, конечно, снижение нормы прибыли везде, по всей экономике. Нормы потребления в прибыли, здесь отдельный разговор, как это делать. Прямые бюджетные доплаты должны быть по всей цепочке подготовки инженеров, рабочих и ИТР. Прямые бюджетные доплаты всем занятым в промышленности, потому что иначе не смогут привлечь. А если повышать за счет внутренних источников, не выдержат конкуренцию с импортными поставками. Поэтому здесь нужны специальные меры. И долгосрочные

программы и контрактное обеспечение, то есть обеспечение долгосрочного спроса. Спасибо большое за внимание.

(аплодисменты)

Константин Бабкин: Спасибо, Оксана Генриховна за интересный анализ. Еще раз вывод какой? Сейчас будет легче или труднее провести индустриализацию, в сравнении с предыдущими двумя?

Оксана Дмитриева: Сейчас есть неограниченный финансовый ресурс, считайте, 200 млрд долларов активно сальдо платежного баланса, вот это огромный источник, который фактически сейчас у нас остается все там же, где и раньше. Это первое. Второе. Огромный отток средств идет в виртуальный сектор, в банковский сектор, в финансовый сектор, то, что я говорила, нормопотребление. Хотя бы возьмите полтриллиона прибыли Сбербанка, из которых половина, допустим, пойдём в бюджет, а половина просто на дивиденды акционерам, не государству. Это просто показывает совершенно немыслимый огромный финансовый ресурс.

С другой стороны, огромные проблемы с ИТР и рабочими, с ИТР даже еще больше, чем с рабочими, потому что рабочих все-таки можно подготовить за полгода, за год, а кадры ИТР квалифицированные, это требует достаточно более длительного времени. Тем более нужно понимать, что разрушено, вообще иногда до основания, инженерные научные школы в инженерных вузах. Поэтому основная проблема будет здесь. Это по сравнению с предыдущими индустриализациями. Спасибо.

Константин Бабкин: Понятно, спасибо. Но в предыдущие индустриализации тоже с инженерами, наверное, были проблемы, и научных школ тоже не хватало, их восстанавливали. И мы помним имена великих ученых, начиная с Курчатова, Королёва, Туполева, инженеров, ученых. Родятся и новые Королёвы, я уверен.

Давайте послушаем человека, который находится на стыке как раз банковского сектора и реального сектора, имеет большой опыт в экономической науке. Клепач Андрей Николаевич, экономист государственной корпорации Внешэкономбанка Российской Федерации. Пожалуйста.

(аплодисменты)

Андрей Клепач: Спасибо. Добрый день, уважаемые коллеги. Я, может быть, немножко, чтобы спровоцировать, а нужна ли нам вообще реиндустриализация? То есть индустрия у нас есть, какая-никакая, то есть в этом главная проблема или нет? Потому что, на мой взгляд, сейчас все-таки ключевые задачи, они немножко в другой сфере находятся. Первое, это как все-таки даже та промышленность и индустрия, которая есть, она бы адаптировалась к новым вызовам, которые у нас сложились. А вызовы, они понятны, это импортозамещение. Оксана Генриховна показывала, как это происходило, что в Первую мировую войну, что в годы индустриализации. Но сейчас у нас эта проблема крайне острая.

Если брать долю импорта, ее по-разному оценивают. С точки зрения конечного спроса, то у нас фактически все средства, связанные со станками, с электроникой, это почти 60% конечного потребления. Опять же, цифры разные, это используется межотраслевой баланс. Если послушать специалистов, понятно, что по станкам у нас только 20% отечественное производство, и то они, в основном, из импортных комплектующих. А вся оснастка фактически вся импортная. А без оснастки, естественно, даже на станке ничего не сделаешь.

Тем не менее, огромная проблема, которую, в общем-то, все осознают, и правительство, и отсюда был принят ряд мер, это зависимость не только в конечной продукции на рынке, а в комплектующих. Здесь в промежуточном потреблении, как вы видите, диапазон от 40-ка с лишним, до 60%, только в прочих транспортных средствах, там поменьше. Потому что у нас действительно железнодорожное машиностроение поднялось достаточно сильно за прошедшие годы и прочее, если вернуться на первый слайд.

При этом ключевая проблема – это кадры. Если взять все наши, что 90-е, что 2000-е годы, и даже 2021 год, у нас численность занятых в промышленности сокращалась. Она не росла. В добывающих и в обрабатывающих отраслях. При этом тоже Оксана Генриховна сказала, у нас доля, и вообще количество инженеров сокращалось, количество исследователей сокращается уже лет 20. Их удельный вес занятости значительно ниже, чем в европейских странах.

И отсюда сейчас, когда у нас задача существенно увеличить выпуск продукции, как оборонной, так и, я уж не говорю про село, но там село хоть растет. Но если раньше мы делали, не знаю, на Казанском заводе два самолета Ту-214, сейчас по нашим планам, я не хочу комментировать, их удастся реализовать или нет, надо делать 12, потом поставили планку 20. Но для этого надо, как минимум, 3,5 тысячи рабочих и инженеров, которых неоткуда взять. Их надо еще подготовить.

Поэтому главная проблема действительно, если спрашивать любого директора, это не деньги, не станки даже, хотя их за год можно завезти из-за границы, что-то самим сделать. Это кадры. А их быстро не подготовишь. Хотя, опять же, и царское время, и советское время, оно показывало, что за полтора-два года это решаемая проблема. Поэтому один из ключевых вопросов сейчас для нас, это действительно во многих секторах резкое увеличение объемов производства. И это не только импортозамещение. Это просто вопрос даже своей продукции, которую мы должны делать, чтобы обеспечить удовлетворение потребностей и стабильную работу экономики.

Но при этом есть и долгосрочные задачи. А вот какое будет долгосрочное будущее промышленности? У нас был известный классик Карл Маркс, который говорил о том, что промышленность, индустрия, это прикладная наука. Известно, что у нас расходы на науку стагнируют лет 14, примерно 1% ВВП. Но в реальном выражении они чуть растут. Но, тем не менее, это не сопоставимо с тем, что тратят на науку другие страны, не только Корея,

Израиль и США. В США 2,5% ВВП, в Китае, сейчас у них только что был съезд народных представителей, 2,4% ВВП. Это при том, что ВВП в шесть раз больше, чем у нас.

Поэтому одна из ключевых проблем, это не просто реиндустриализация, в смысле увеличения промышленной занятости. Не факт, что она в долгосрочном плане будет расти, потому что тренд все-таки на опережающее развитие сферы услуг. Но это именно промышленность, как прикладная наука и развитие наукоемких производств.

И тоже с точки зрения объемов, чтобы понимать. Вот здесь справа всякие столбики, Россия, мы начинали с ВВП на душу населения, где сейчас по текущим ценам уже Китай Россию обогнал, но по паритету покупательной способности мы все-таки почти в два раза выше. А вот если мы берем промышленность, то наша промышленность в текущих ценах, это где-то 260 млрд долларов. Китай – четыре с лишним триллиона. Страны недружественные – США, Япония и остальные, – это где-то 5,6 трлн. То есть мы фактически находимся в сражении, где наш потенциал в 22 раза, с точки зрения промышленности, меньше.

Понятно, что это не за один год, и даже за пятилетку не решишь. Но это показывает, какой объем задач, который перед нами сейчас вырисовался, и который требует колоссальной перестройки и структуры экономики, и политики. Но он означает, что нужны нетрадиционные решения. Потому что просто сохранить те правила, по которым мы живем, такого рывка сделать не удастся.

При этом тоже, чтобы понимать место промышленности. Промышленность у нас в ВВП занимает достаточно большое место, 28%. В Германии 26,25, в США меньше 20%. При этом наши уязвимые места. У нас достаточно мощный добывающий комплекс, хотя он, на самом деле, даже реально больше, чем показывает официальная статистика, потому что часть как бы распределения газа, нефти, оно идет в торговлю.

Но если мы берем наше машиностроение многострадальное, это меньше 4% ВВП. Химия, вся, включая все наши удобрения, ну, средства защиты растений – это маленький удельный вес, это 1,6% ВВП.

На самом деле, чтобы выиграть вот эту экономическую войну, а не только она уже экономическая, где-то горячая, фактически доля машиностроения и доля той же химии, она должна быть в разы выше.

Следующий слайд. Здесь, может быть, тоже такой аспект. Наша экономика держится на двух китах, мы говорим, на нефтяной игле, или на нефтегазовой игле. Доля нефтегазового комплекса (сверху эти таблички), ВВП примерно, смотря как считать, от 16-ти до 20% ВВП. А вот доля наукоемких и высоко- и среднетехнологичных отраслей, это из международной классификации, она примерно 22%, тоже немало. Что туда попадает, – здравоохранение, образование, наука, связь, телекоммуникации. Попадает, правда, финансовый сектор, часть машиностроения, химия, и то не вся химия. Если выкинуть финансовый сектор, будет процентов 16.

При этом если мы говорим о таком нашем развитии, то в принципе, у нас есть все предпосылки и возможности, чтобы удельный вес наукоемкого сектора все-таки вырос до 26-27% к 2030-2035 году. Но это опять же совершенно другая структура экономики и другая структура занятости. Потому что это не только квалифицированные рабочие, а это, в первую очередь, те же ученые, врачи, преподаватели. Потому что, как еще Бисмарк говорил, что битву при Садове выиграл немецкий учитель, собственно говоря, отчасти это и видно было в Великую Отечественную войну, так и сейчас. Поэтому этот сектор, с точки зрения наукоемкости, он очень важен, потому что он дает тех людей, которые потом будут работать и в промышленности, и в сельском хозяйстве.

С точки зрения инвестиций, на самом деле, многие эксперты считают, у нас доля нефтегазового комплекса в инвестициях понизилась. То есть сейчас это где-то 16-17%. Причем если отсюда трубу убрать, то будет еще меньше. Поскольку мы выходим на глубокие горизонты, сложные технологии, как называется там, вязкие нефти и прочее, то капиталоемкость будет расти. В то же время высокотехнологичный сектор, хотя в машиностроение инвестиций мизер, но со всеми остальными на круг это тоже 20 с лишним процентов. Весь вопрос, – куда дальше? Куда вкладывать деньги?

Оксана Генриховна говорит, что с деньгами проблемы нет, но хорошо, что здесь нет Силуанова, потому что там понятный ответ. И вчера на совещании, где мы были с Константином Анатольевичем, что денег их бюджета нет.

Оксана Дмитриева: Нет, ну, Силуанов...

Андрей Клепач: Сейчас я...

Оксана Дмитриева: Считает, что лучше... Они же считают, что 200 млрд осталось за границей, положительное сальдо платежного баланса, то это прекрасно, это нет давления на рубль.

Андрей Клепач: Давайте, за одну минуту это не обсудишь, просто у нас отток капитала, по официальным данным, в прошлом году если 14 млрд, на этот год, я думаю, будет миллиардов 110. Только надо понимать, что это миллиарды, которые вывозит «Газпром», «Роснефть», нефтяники, металлурги. Мы отчасти имеем отношение, потому что часть этих денег потом через импорт возвращается, и даже через иностранные инвестиции. Часть иностранных инвестиций в старое открытое время, по оценкам это 50%, это были те же наши инвестиции.

Но, тем не менее, действительно, есть огромная проблема. Ресурс есть, у нас сбережения процентов 30 ВВП, а инвестиций – 22. То есть мы значительную часть своих сбережений вывозим за границу. Понятно, что это модель тупиковая, ее надо менять. И через импорт инвестирование денег здесь. Но проблема в том, что куда инвестировать и по каким правилам? Одна развилка.

У нас нефтегазовый комплекс имеет возможности существенного увеличения добычи той же нефти, газа, угля и его экспорта. И ниша для этого есть, несмотря на то, что в этом году

мы, по соглашению ОПЕК, и по другим, добычу нефти, экспорт нефти сократим, по-видимому. Хотя, правительство считает, что экспорт нефти не сократится.

Добыча, экспорт газа у нас и так упало значительно, и будет, видимо, снижаться дальше, пока мы не перестроим, не создадим другую логистику. Но вопрос не в этом. А нужно ли такой ценой это делать? Или нам надо эти деньги вложить в то же сельское хозяйство, в здравоохранение, образование, в машиностроение, где капиталоемкость все равно существенно ниже. Это развилка. И, по сути дела, эту модель политики такого движения денег еще надо выработать.

На этом слайде как раз про отток капитала. В среднем он у нас был порядка пяти с лишним процентов ВВП, но сейчас десять. То есть половина. Мы могли бы на 50% увеличить инвестиции, если бы эти деньги вложили здесь. Поэтому я бы, может, говорил не столько о реиндустриализации, а о том, что у нас индустрия и экономика должна приобрести принципиально новый облик, и более наукоемкий. Но при этом решить вот эти крайне острые задачи, связанные с кадрами, с наращиванием ключевых видов производства, от станков до тех же боеприпасов и самолетов.

И при этом это все-таки, в первую очередь, новая модель управления. На многих обсуждениях, и даже вчера, где мы были с Константином Анатольевичем, главное — это то, что должны прийти не просто те, кто контролирует финансы, юристы, которых больше готовит наша система образования, чем инженеров. Но у нас и система управления строится на том, как, в первую очередь, всех проверить, получить налоги. Это правильная вещь, но нам главное-то все-таки, это созидание, предпринимательство и умение создавать новое. А это связано в реальной жизни с выходом, во всяком случае, за сложившиеся стереотипы и правила.

Но, как известно, русский человек все-таки способен и на выдумку, и на многое оригинальное, поэтому надеюсь, вот эта новая модель управления, она сложится. Спасибо.

(аплодисменты)

Константин Бабкин: Спасибо, Андрей Николаевич. Как я понял, смена модели, о которой вы говорите, это смена фокуса внимания правительства. То есть у нас должен быть центр внимания правительства не бюро РСПП, а инженер, человек у станка. Мы должны у них спрашивать, что для вас нужно сделать, как вам помочь для того, чтобы ваш труд стал более производительным, эффективным и конкурентоспособным. Можно так резюмировать? Спасибо.

Нигматулин Роберт Искандерович, академик Российской академии наук, научный руководитель института океанологии имени Ширшова. Пожалуйста.

(аплодисменты)

Роберт Нигматулин: Уважаемые коллеги, во-первых, я вас прошу подойти потом там, где регистрация, и мы с братом подготовили для вас подарок, состоящий вот из этой книги «Макроэкономические, демографические показатели России. Как мы отстали». И там еще

есть одна брошюрка, для всех приготовлена. К сожалению, не сделали сразу, но, в общем, вы подойдите, пожалуйста. И, кроме того, Юрий Михайлович Воронин также распространяет свою книжку.

Теперь, я не могу сидя, я все-таки лектор, позвольте мне так уж.

В общем, ситуация, я хочу сказать, гораздо хуже, чем тот спокойный план, который мы здесь сейчас выбрали. Я должен даже, знаете, сказать, что, вообще-то говоря, с точки зрения экономической, отечество в опасности. В разы мы отстаем по темпам роста. В разы! Не 15-20%, а, видите, вот это все в разы получается. И главное, наш ВВП меньше, чем в Турции, в Португалии, в общем-то, в тех странах, к которым мы всегда сверху относились, – какие-то турки! И это отставание в ближайшие годы при нынешней политике будет увеличиваться. И, в общем, это создает угрозы для нашей устойчивости

Но еще обращаю внимание в связи с войной. Если во Второй мировой войне на нашей стороне было 500 млн человек, – США, Великобритания, мы. А на Гитлера работали 300 млн человек. То сейчас миллиард против нас, 150 млн с белорусами. Поэтому, вообще говоря, это все очень серьезно.

И какие же корни нашей беды? Нет роста инвестиций. Нет роста инвестиций – не будет роста экономики, это же очевидно. Это Абел Гезевич Аганбегян всегда с этого начинает свои доклады. И доля ВВП на инвестиции у нас в полтора раза меньше, чем в более-менее приличных странах. В полтора раза! И самое ужасное, вот то следствие, о которых мы здесь говорили, что и отдача от рубля на ВВП от этих инвестиций в полтора раза меньше. И это все, в общем, неэффективность нашего государства, правительства, президента и, вообще, нашего народа. Не квалифицированный стал наш народ.

И какой же еще один важный корень, который тоже здесь упоминали? На образование, здравоохранение, науку, культуру в долях ВВП в два раза меньше. И это 30 лет творится, и никак не сдвинешь их. Сейчас, Андрей Николаевич, на науку было 1,1, – сейчас 0,9. В общем-то, разница небольшая, выдержим.

Но в результате что мы получаем? В результате, что у нас образование народа упало, деградировало. Я предлагаю Оксане Генриховне поспрашивать в Санкт-Петербурге у 30-летних инженеров, которые инженеры, где находится Балтийское море. А я работаю на мехмате, и я знаю, к нам приходят самые талантливые математики. Мы должны в школе самых талантливых людей подготовить. В три раза у нас сократилось научных работников, и мы на 29 месте по числу научных работников на душу населения. И только 10% защищает диссертации.

И второе следствие всей этой беды, – у нас самая высокая смертность. В Европе самая высокая смертность – в России. И самый большой прирост во время пандемии. Посмотрите, это график, вот у нас смертность. Но, видите, к 2019 году как-то устаканилось. Вот в 2003 году я всегда говорил о том, что все-таки благодаря Путину, пришел к власти, здравоохранение как-то начали крепить, и, видите, смертность стала падать. Но к 2019 году истощилось падение. Тут еще ударил COVID. В общем, мы выйдем.

Теперь обратите внимание, недавно на правительстве вице-премьер заявил, что у нас на 25% упала смертность в 2022 году, что, правда. Но она на 100 тысяч больше, чем было в 2019 году! Еще эти остаточные явления. А вот смертность в Европе. Видите, насколько она меньше? И смертность в Советском Союзе, в России, она тоже меньше. Мы теперь на 200 тысяч людей теряем больше, чем при советской власти, Россия, и на 400 тысяч больше, чем по нормам Европы. Поэтому, вообще, это опасно.

И вот рождаемость. Посмотрите, все-таки она у нас росла до 2013-2015 годов, а потом, смотрите, резко стала падать. И рождаемость на треть упала. И самое ужасное, что мы сейчас естественную убыль населения, то есть смертей больше, на 600 тысяч человек. На 600 тысяч человек умирает больше, чем рождается! И за три года у нас естественная убыль населения 2,3 млн. Вы можете себе представить?

За три года 2,3 млн россиян стало меньше! Если, конечно, не считать прибыль за счет новых территорий. Вот в каком состоянии. Поэтому отечество в опасности, и мы выходим скоро на падение 750 тысяч. И это будет. 750 тысяч мы будем терять ежегодно свое население! И вот посмотрите, ладно, старики умирают. Но так в трудоспособном возрасте в три раза больше мужчин теряем, и на 119 месте мы по показателям здоровья населения.

Что делать? Конечно, инвестиции. Обязательно инвестиции. Нужно расти. Как это нужно сделать? Конечно, нужно налоги. У нас все налоги сделаны так, чтобы помешать вложению инвестиций. И льготы для инвестирования должны быть. Льготы! И, кроме того, конечно, нужно, чтобы часть налогов перекладывать, с бизнеса снимать нужно налоги, перекладывать на большие доходы частных лиц. И это шаг за шагом нужно делать. Если не сделаем, ничего не будет.

Спрос. Конечно, спрос должен быть обязательно. Если мы предполагаем, что это рост, должны спрос. А спрос это что такое? Это зарплата. Это зарплата тех 90-95% населения, и она должна быть не 0,3, а 0,5-0,6 и по этапам расти, иначе тоже ничего не будет. И, конечно, балансы. У нас страшно все разбалансировано. Во-первых, распределение доходов и так далее. Я вам примеры просто этих балансов покажу.

Часто говорится о том, что нужно правильно. Деньги мы даем людям, если увеличиваем, то это должно, конечно, компенсироваться товарами народного потребления, иначе это все в инфляцию, это совершенно верно рассуждают наверху в правительстве. Но все-таки Людвиг Эрхард сказал, что покупательский спрос, то есть зарплаты, должны опережать умеренно производственные возможности.

И, конечно, финансовая система. Если у вас банковский курс, сколько сейчас там, не будет в это инвестироваться, мы призываем, нас президент призывает: инвестируйте, инвестируйте. А как же свои средства, которые находятся в распоряжении, они не могут быть инвестированы.

И поэтому, конечно, контроль за вывозом капитала, о котором здесь говорилось. Конечно, нужно думать о том, чтобы и доходы госбанков, всякие финансовые спекуляции, не шли в доход банкирам. Только за счет спецпроектов. Все эти госбанки должны обязательно

зарабатывать себе средства только за то, что они финансируют какие-то специальные проекты. А что такое спецпроект? Спецпроект – это отобрать надо, найти этих людей нужно. И им доверить. Потому что если просто так, то все растащат, разворуют, конечно. Но и в этом суть деятельности госбанков должна быть. Только за это они должны получать ордена, медали и свои доходы.

И, конечно, должно быть обязательно, вот про эти спецкредиты, если ты нарушил, потратил на джип и так далее, то тебя должны наказать обязательно. Это обязательно должно быть сделано.

И, конечно, эффективность. Эффективность, которая 2,5 рубля у нас на один рубль отдачи, но она должна вырасти по европейским нормам. А это, конечно, нужно учить народ. И сейчас это колоссальная проблема. Потому что нет профессоров, литейщиков, станкостроителей, инженеров, конструкторов! Нет их уже! Нет, все! В конце 1920-х годов, когда приступили к индустриализации, были царские профессора. Их не успели еще уничтожить, разогнать и так далее. А сейчас все они вымерли и разошлись. Поэтому это серьезнейшая проблема.

И, конечно, баланс. Вот пример бензина у нас. Приходят и говорят, что у нас бензин дешевле. Делят на банковский курс, – дешевле. Да нет же! У нас по паритету покупательной способности, это по отношению к зарплате, по отношению к хлебу, по отношению ко всем товарам, он у нас в два с лишним раза дороже, чем в Соединенных Штатах Америки. И из-за чего? Потому что 60% стоимости бензина, который мы покупаем, это государственные сборы. А на внутреннее потребление идет только четверть нефти, а три четверти мы вывозим.

Поэтому хотя бы, чтобы внутреннюю цену, нужно только с этой четверти снизить государственные поборы и переложить их на экспортную часть. Это, конечно, балансы нужно считать, и делать. Но если мы не понизим стоимость топлива, у нас не будет транспорт развиваться, авиация. В авиационном билете 60% стоимости это топливо. Поэтому, конечно, ладно с нас, мы готовы платить, которые на автомобилях ездят. Но с производственной части топлива, конечно, цена должна быть существенно, в два раза, в конце концов, снижена. В два раза! А не на 15%.

Что тут еще. Конечно, я сказал, что потеря налогов. Например, если мы на десять рублей снизим цену на бензин на внутренний, то на экспортную часть нефти повысится семь долларов за баррель. Это реально, это можно все сделать.

То же самое и про удобрения, и про все остальное сырье. И про электричество. Мы на электричество в долях ВВП тратим на 15% больше, чем Соединенные Штаты, 15-20%. Изношенное оборудование и так далее. А в цене в два раза больше платим. Но электроэнергия, это тоже все тормоз развития бизнеса, промышленности, экономики. Если это не сделаем, мы будем падать и потеряем, в конце концов, лет через десять, может быть, даже и раньше, свое отечество. Это все очень серьезно.

И, конечно, нужно снижать цены и за счет паразитических издержек, не только государственных сборов, и потери от неэффективного менеджмента. Нужно контролировать нефтяные компании, энергетические компании. Смотреть за их ценами, потому что за эти цены платит весь наш народ.

Да, коллеги, запомните этот баланс. Везде, во всех странах, в которых я бывал, а я во многих странах бывал, минимальная зарплата, какая должна быть минимальная зарплата по отношению к топливу? Тысяча литров бензина. Где-то 800, где-то 900, в Америке даже 2 тысячи, но не 250, как у нас. Пожалуйста, этот страшный дисбаланс. Это тоже ведет наше отечество к потере устойчивости. Это произойдет.

И, конечно, цена килограмма простого хлеба. Производитель произвел простой товар, который мы покупаем, вот за хлеб, везде он три литра бензина купит, а у нас только литр. Вот вам следствие, это сильнейший тормоз!

И, конечно, должно быть какое-то планирование. Я ни разу не видел, чтобы правительство говорило: вот мы такой, такой план. Обязательно должно быть индикативное планирование, в который инвестиционный план, социально-экономического роста план, освоения новых технологий. Четко должно быть сказано, какие технологии. А это у нас сейчас, мы все технологии потеряли по производству деталей. У литейного производства нет литейщиков, нет станкостроителей. Мы станки, которые собираем, это из готовых деталей. Россия не может производить детали! Она только собирает. Покупает и собирает. Все. Автомобиль не можем до конца произвести. Поэтому это все очень серьезно.

И, конечно, мы должны признать, и это нормально в культурном обществе, что нынешнее правительство не способно это все реализовать. К сожалению, это так!

(аплодисменты)

И я не призываю ни к каким свержениям, ни в коем случае. Вот наш Форум, он должен постепенно объяснять нашему народу. В конце концов, это дойдет и до руководителей обязательно. Но ни в коем случае ни какие-то революционные изменения.

Что же нужно? Доля ВВП должна вырасти на науку. Дальше. Восстановление РАН. Но это же вредительство, – взять академические институты и передать их чиновникам! Вы бы видели, какие чиновники работают в Министерстве образования и науки! Это просто смешно и грустно. Я вот это испытываю. Как был директором института океанологии, сейчас как научный руководитель, это министерство не способно руководить ни университетами, ни... Потому что в старое время все-таки был госкомитет по науке Министерства высшего образования. Но его возглавляли академики, крупнейшие профессора, а не кандидаты юридических наук. Это беда, которая, конечно, должна быть исправлена.

И, конечно, нужно обязать корпорации обязательно иметь научно-исследовательские проектные институты. Обязательно! И эти институты должны принимать активное участие в принятии решений, технологических решений. Здесь я уж не буду говорить, вы все это

прочитаете. Смена кадровой политики и, конечно, экономического порядка. Это обязательно.

И последний слайд, и, к сожалению, этот слайд очень актуален для нас. Миру угрожают идиоты. Идиоты во всем мире. В Америке, в Европе. Это так!

(аплодисменты)

Уровень государственных деятелей во всем мире, европейском мире, я имею в виду, европейской цивилизации, страшно упал. Страшно упал! Но и у нас он страшно упал. Вот перечислены все эти люди. И, самое главное, оказывается, Александр Васильевич Суворов даже это говорил, что для отчизны наибольшая опасность не во внешнем враге, а во внутренних идиотах. Надо это преодолеть.

(аплодисменты)

Константин Бабкин: Спасибо, Роберт Искандерович. Хочу предоставить слово Олегу Николаевичу Сосковцу, это президент Российского союза товаропроизводителей. Олег Николаевич, сразу из чата уже поступают вопросы. Вопрос сразу такой, может быть, он вас наведет на что-то. «Вы прошли путь от мастера металлургического комбината до министра и до вице-премьера. А современные министры на заводах-то бывают? С нашими проблемами знакомы?» Пожалуйста.

Олег Сосковец: Роберт Искандерович, я с вас пример возьму, тоже постою, для солидности. Очень трудно, конечно, выступить после академика, который по существу высказал все проблемы, связанные с нашей экономической жизнью, реальностью и управлением экономикой страны. Я позволю себе не повторять эти замечательные истины, которые здесь были высказаны докладчиками, а немного вернусь к тому, с чего началось сегодняшнее наше бытие.

Так случилось, что мы пережили действительно геополитическую катастрофу, как назвал это событие наш Президент Владимир Владимирович Путин, – развал Советского Союза. Ведь он начался не в 1991 году, а он начался с глубочайшего разрушения экономики советского государства.

В 1985 году Михаил Сергеевич Горбачёв в марте приступил к обязанностям руководителя государства в роли генерального секретаря. И в течение пяти лет мы говорили о новом мышлении, о перестройке, о чем угодно, о том, чтобы вы их снизу, мы их сверху, о выборности директоров, руководителей предприятий. Бог миловал, в Министерстве металлургии единственного не избирали меня. В 1986 году меня назначили генеральным директором, и я не позволил заниматься этой вакханалией на заводе.

Так вот, в результате этих разговоров экономикой никто не занимался. Допустим, последние полтора-два года министры Советского Союза не могли попасть на прием к президенту Горбачёву. Под любыми предлогами уходили от этой встречи. И будучи народным депутатом Советского Союза в 1990 году я занимался этой организацией встречи

на уровне Верховного совета СССР. Можете представить, о какой экономике может идти речь.

В это время уже не было Госплана хотя он был де-юре. Не было Госснаба. Были брошены на произвол судьбы по существу все промышленные, экономически значимые, наши предприятия, от сельского хозяйства до промышленных предприятий. Чем это закончилось? В 1991 году это был триггер просто, не стало Советского Союза.

Но самое страшное началось позже, когда пришли ребята, не имея никаких практических знаний, опыта. Взяли модель, реализованную... В общем, звали этих ребят и чикагскими мальчиками, и бог его знает. Узурпировав, по существу, так называемую реформу экономики России, единственная задача, которая предполагалась, – реформирование экономики, – это раздать имущество государственной собственности в какие-то условные руки. Мантра Чубайса о том, чтобы хоть за копейку, хоть бесплатно, но чтобы не возвращаться к коммунизму, это не состоятельная ложь и болтовня, которая была, по умолчанию, признана, а потом и реализовано так было.

Поэтому в результате этих глубочайших грубых ошибок мы потеряли около 100 тысяч предприятий, которые были потенциальными конкурентами западных фирм и организаций. Ведь это не шутка, что у нас нет своих гвоздей, как сказал один из значимых политических лидеров нашей страны. Мы потеряли авиационную промышленность, мы потеряли машиностроение. Десять лет назад мы только 5% обеспечивали себя станками, без которых вообще невозможно никакую реализацию машиностроительной продукции в большинстве программ реализовать. Мы потеряли металлургию, кстати. Советский Союз производил 180 млн тонн стали. Россия сегодня едва 70, и то после санкций это будет значительно ниже.

В общем, много чего мы потеряли. Можно сказать, что такое 100 тысяч? Мы потеряли судостроительную промышленность. Сегодня мы не производим подшипники, тот узел, без которого вообще нельзя собрать ни единую деталь для того, чтобы обеспечить ее работу. И десятки можно приводить примеров таких серьезных потерь.

И это все, конечно, мы заместили, потому что условия, которые изначально были поставлены международными организациями, особенно Международным валютным фондом, были абсолютно кабальными. Допустим, выйти в течение года на уровень мировых цен на электроэнергию. Мы говорим: «Мы потеряем металлургию!» В ответ: «Ничего, мы привезем металл». – «Мы потеряем такие-то виды деятельности». – «Ничего, мы привезем, мы купим». У нас есть нефть, у нас есть газ. И вот эта мантра, которая была придумана и развивалась в течение десятилетий, привела к тому, что сейчас произошло.

Причин сегодняшней ситуации можно очень много найти. И СВО привести пример и так далее. Но та рьяность, с которой Запад внедрил санкции против России, это заранее спланированная акция, которая сегодня реализована. Другого невозможно объяснить. Потому что бизнес, который сегодня потерял на Западе от того, что не имеет контрагентов в России, партнеров, не может инвестировать свои ресурсы и средства для того, чтобы

развить свою экономику, очень и очень много недовольных этой ситуацией. Но политика оказалась выше этой экономически разумной системы. Поэтому эта тема закрыта.

Финансовым институтам запрещены валютные операции, запрещены любые контакты с российскими компаниями. Под строжайшим запретом, контролем, может быть, даже санкциями, которые могут быть в результате нарушения этих требований. Куда нам идти и чем заниматься? Мы говорим о Китае. В течение четырех лет я был председателем комиссии военно-технического сотрудничества с Китайской Народной Республикой. Была российская комиссия, и я был сопредседателем с российской стороны из китайской комиссии. Более тяжелых и трудных партнеров, чем наши китайские товарищи, найти очень трудно. Европейцы во многом ближе к нам по менталитету, по деловитости, по принципу принятия решений, по обязательности. В Китае этого нет. Один из успешных проектов, которые мы реализовали в свое время, когда по своему существу была остановлена авиационная промышленность, — мы продали лицензии и производство СУ-27 Китайской Народной Республике в феврале 1994 года. За шесть лет был построен завод с помощью наших специалистов из Комсомольска-на-Амуре. За пять лет был построен современный китайский самолет. За шесть лет они сделали свои двигатели. И сейчас это лучшая авиационная техника китайской армии.

30 лет назад Китай отличался от других стран. В какой бы город или провинцию ты не приехал, ты видишь сотни тысяч велосипедистов. Сегодня Китай — это автомобилизированная страна. 50 автомобильных заводов. Производство стали в Китае за эти 30 лет выросло до 1,2 млрд тонн готового проката. Это ровно половина того, что производит весь мир. Потребление цемента в Китае за пять лет, до 2015 года, было равно потреблению цемента в Соединенных Штатах за XX век. С 2008 по 2010 год была построена самая крупная в тот период времени скоростная магистраль Пекин — Шанхай. Ее протяженность 1 300 км за два года и четыре месяца. Ее строила китайская строительная компания, генподрядчиком была компания Siemens. Президент компании Siemens, который отвечал за строительство, — мой приятель. Он немец, живет в Берлине. В течение квартала он приезжал на строительство каждую пятницу, в понедельник возвращался в Берлин. Чтобы контролировать, чтобы обеспечить исполнение графика и так далее. Это было с 2008 по 2010 год. Сегодня в Китае работает 35 тыс. километров высокомагистральных железных дорог.

Попытка работать с нашими компаниями и построить дорогу Москва — Казань около 800 км привела к тому, что был сделан проект, были разработаны все необходимые технико-экономические показатели. Проект — это серьезнейшая часть реальной жизни. Были наняты наши рабочие, наши инженеры-конструкторы, наши проектировщики. Сычуаньская компания, которая занималась этим строительством, сделала мне презентацию во время визита премьер-министра, это было восемь лет назад. Мы отказались от всего по непонятным причинам, проект остановился. И мы говорим: «Китай — наш партнер и надежда». 20 раз надо подумать, прежде чем это сказать.

Что же делать? Дело только в нас самих, уважаемые коллеги. Надо вернуться к тем ценностям, которым мы обучены. Здесь сидит представительство разных категорий нашего гражданского общества. Форум значительный, очень важный. Допустим, Константин Анатольевич.

В 1991 году ему было ровно 20 лет. Он был студентом, он не знал, что он будет заниматься тракторным машиностроением, у него была другая специальность высшего образования. Но он выбрал самую трудную и самую неблагодарную нишу в бизнесе — тракторостроение, комбайностроение. Он вел предприятие в Канаде. Он узнал, что такое западный менеджмент, западная инженерная подготовка. Но он узнал и другую часть, когда государство не мешает и обеспечивает деятельность предприятий, работающих на это государство. Только тогда мы можем добиться успеха.

Что сделало нас самих? Моя специальность — инженер-металлург. Я посчитал количество точных наук, которым нас обучали. 20 или 21 наука. Это и сопротивление, и теория механизмов, и теплотехника, и бог его знает, что. Сегодня нет специалистов, которые получили бы образование, равное советскому по части инженерной подготовки. Вернемся к ценностям, которые мы потеряли, может быть, что-нибудь и получится. Реализовывать эти задачи должны люди.

Понимаю, что в правительстве сегодня ни за гвозди, ни за подшипники, ни за самолеты никто не отвечает. Надо ввести практику, чтобы каждый получил какой-то участок работы, и хотя бы один раз прошел ножками от начала до конца эту деятельность. Может быть, тогда что-то изменится. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо, Олег Николаевич. Данилина Светлана Евгеньевна, вице-президент компании «ТАУРАС-ФЕНИКС», человек от реального сектора. Андрей Николаевич? Микрофон возьмите, да.

Андрей Клепач: Коллеги, Олег Николаевич, при всём огромном уважении, но, тем не менее, чтобы расставить некоторые моменты. За авиацию в части промышленности у нас отвечает Минпром и «ОАК». Худо или бедно они работают. Мы имеем хорошие позиции по военной авиации, но по гражданской сейчас достаточно сложный период. Всё, что мы делали, базировалось на иностранных комплектующих. Sukhoi Superjet — на 70% это импортное ПО, приборы, даже движок наполовину импортный. Горячая часть французская, а реально — американская. Сейчас идет серьезная работа и программа по запуску нового самолета. Заявили его на 2023 год, я думаю, 2024-2025 год. Уже сделана новая кабина, новое ПО, и идут работы по двигателю. Хотя Олег Николаевич говорил про самолеты. Да, мы делаем мало гражданских самолетов, но мы одна из немногих стран, которые делают двигатели. Реально двигатели делают американцы, чуть-чуть англичане, Rolls-Royce. Даже то, что у французов, в основном это дальнейшая доработка американских движков General Electric. Китайцы пока своих движков не сделали.

У нас впервые с советских времен сделан ПД-14, он проходит испытания. У нас есть ПС-90, и сейчас поставили на испытания ПД-8, который должен заменить движки для Superjet. Что

я хотел сказать? Не так, чтобы ничего нет. У нас нет мощного серийного гражданского авиастроения. Это та задача, по которой сейчас частично принята программа, выделены вроде бы большие деньги, 484 млрд., но в долларах это не так много. Это очень большие проблемы, где больше вопрос инженеров, кадров. Я работаю в министерстве, отвечал, в том числе за авиационную промышленность, правда, был Минэкономики, головной Минпром. Главное в самолете — это интеграция всех этих звеньев. Можно сделать отдельный элемент, но так, чтобы это всё летало и работало, и самолет не падал, это очень сложно. И по подшипникам. Это огромная проблема, но у нас началось производство прецизионных, это Воронеж, Самара.

Дефицит большой. Даже не будут говорить, для чего. В основном живем на китайских. Мы потеряли очень много, но не надо исходить из того, что у нас уже ничего нет. Оно на самом деле есть. Есть и команды, и уникальные производства. Вопрос в том, чтобы сейчас это масштабировать, чтобы это стало драйверами. Не отдельными лабораториями, отдельными изделиями, а та же авиационная промышленность расправила крылья, и подшипники, и всё.

Константин Бабкин: Спасибо.

Олег Сосковец: Сам напросился. Я вам расскажу. Было два авиационных завода в Рыбинске и в Перми. В 1995 году Ельцин поручил мне провести выездное совещание губернаторов Центральной России, их было восемь или девять человек. Мы собрались в Ярославле. Мне звонит человек и говорит, на «Рыбинские моторы», где единственный завод, и в Перми, делали авиационные двигатели, выезжает мостовой с компании покупателей, чтобы забрать этот завод, мы проводили это всё в пятницу, а в понедельник поставить свое внешнее управление. Это же надо было сообразить безо всяких конкурсов, без целесообразности. Пришлось остановить эту процедуру. Так мы сохранили этот завод, который работает. Системы быть не может. Это случайное совпадение, которому не дали состояться. Состояться глупому, бездумному транжириванию наших ресурсов.

Светлана Данилина: Коллеги, всем доброго дня. Я представитель, как сказал коллега, того самого многострадального машиностроения. Мы живы, машиностроение живо. Отчасти многострадальное. Кадров у нас нет действительно. Не только наше предприятие, а машиностроение испытывает достаточно большой дефицит и рабочих специальностей, и ИТР, и конструкторов. Но об обучении, об образовании мы поговорим на другой пленарной сессии. Сегодня очень много говорилось о том, что можно вспомнить, взять с собой, развить, к чему вернуться. Это люди. Подшипники, вы абсолютно правы, год про это говорим, ничего не меняется. Но скоро что-то изменится. Промышленность — это люди. Дело в том, что существует социальный образ о том, что некая успешная жизнь, все спортивные, подтянутые, красиво, на море — это белые воротнички.

А мы всё-таки за промышленность, за то, что и голубые воротнички, и ИТР — это ценно, важно, их жизнь должна быть комфортной. Они должны гордиться тем, что он токарь, наладчик, гальваник. Гальваников совсем беда на рынке. И они должны также на этих

картинках видеть себя. Что это важно, это ценно. Их семьи, их дети должны это видеть. Здесь я сегодня больше про то, что для промышленности, для машиностроения, авиастроения, станкостроения, неважно, люди — наш ценный ресурс. Необходимо повышать уровень жизни работников промышленности. И здесь уже говорилось о неких дотациях от государства. Я здесь немножко про другое.

Я про улучшение и престижность этих профессий не только дотациями. Возможностью так же, как ранее, возить семьи на курорт по путевкам, оплачиваемым государством. Про то, чтобы для них показывать, что прекрасная жизнь с картинки — это образ, когда-то созданный и навязанный нам 90-ми, это миф. Сегодня это возможно и в промышленности тоже. Промышленные предприятия поддерживают своих сотрудников в очень ключевых сферах. Я говорю не только о нашем примере, о примере «ТАУРАС-ФЕНИКС», но и о ряде примеров других предприятий, с которыми мы общаемся в рамках встреч в Ассоциации «Росспецмаш». Мы очень много обсуждаем, говорим об этом.

Это программы здоровья, это программы спорта, внедрения, интегрирования в повседневную жизнь. Не то, что у нас посевная, мы пошли картошку покопали, все вспомнили, что такое спорт, и где поясница. Нет, это о том, что спорт — это хорошо, что есть зарядка, нужен бассейн. Это сложная работа — машиностроение. Обработка металла, с одной стороны, безвредная, с другой стороны, человек постоянно стоит. Ему нужно следить за своим здоровьем, чтобы его ресурс был более длительным. Это программы поддержки при релокации и окончании обучения. Потому что наши с вами вчерашние студенты из других городов, из других регионов, выбравшие нашу профессию, заканчивают обучение и покидают общежития. И промышленность должна быть готова им что-то предложить для того, чтобы он остался на предприятии. Фокус внимания направляем не только на сотрудников, а также, как я и сказала, на их семьи и на детей. Потому что престиж этой профессии, престиж того, кем работают твои мама, папа, брат, возможно, сестра, начинается с детства. Мы с вами все видим это с детства.

У нас на сегодняшний день разработаны корпоративные внутренние программы здоровья для всех сотрудников нашего предприятия. Абсолютно не имеет значения, какую должность человек занимает. Но у нас достаточно хорошо развита любовь к спорту. Это плавание, это бассейны, это гимнастика, пилатес — всё, что может быть по корпоративной программе у нашего партнера «Taurus Fitness».

Я не просто так акцентирую внимание на детях, потому что для нас с вами как для родителей и для наших же сотрудников очень важно, где и как устроен ребенок. Принципиально важно. С нашим партнером мы организовали небольшой детский сад, куда приходят дети наших сотрудников. Пока мамы, папы трудятся на предприятии, ребенок занят своим досугом, развитием, изучением алфавита, английским языком, бассейном и какими-то другими вещами. Это очень важно на сегодняшний день. Школа. Здесь вы можете увидеть, что миссия школы «Таурас» — это выявление, поддержка и дальнейшее развитие способностей каждого выпускника этой школы. Этой школой также могут воспользоваться сотрудники нашей компании. Она не только для нашего предприятия. Это

полная школа с первого по 11-й класс, но дети наших сотрудников имеют возможность туда ходить. У нее несколько более удлиненный рабочий день, с 8:00 утра до 6:00 вечера. Это тоже удобно.

Еще раз наши дети. Мы устраиваем у себя на предприятии такие дни, когда у нас собираются поколения. Собираются бабушки, дедушки, их дети, их внуки. Мы проводим экскурсию, не только детям, любому члену семьи мы максимально подробно рассказываем, где работает папа, мама, брат, дедушка, бабушка, чем мы занимаемся, насколько это важно. Это была наша реальная экскурсия в прошлом году, вы видите, насколько детям интересно, как разливается молочко, как фасуются йогурты. «Боже, я же видела эту сметанку. Это, оказывается, на этом оборудовании». Таким образом мы интегрируем машиностроение, что это может быть интересно, что это не тяжело, это не просто грязная спецовка, это такая интересная жизнь. То, о чём я говорила. Это помощь и поддержка при релокации после окончания обучения. У нас есть такая программа поддержки и оказания помощи в решении жилищных вопросов наших сотрудников.

Уважаемые друзья, это всего лишь наш маленький пример. Я знаю предприятия, на которых подобные программы внедряются, распространяются, тиражируются, масштабируются. Это забота, и мы пытаемся повторить то, что было раньше. Пришел на завод, через какой-то период времени у тебя комната, потом однокомнатная квартира, еще что-то. Здесь очень хочется сказать, что не для всех это возможно, не во всех регионах это получится.

Поэтому очень хотелось бы, чтобы то прекрасное и светлое, что придавало престижа профессиям машиностроения, авиастроения, станкостроения, тоже входило в общую программу развития промышленности на государственном уровне. Благодарю вас.

Константин Бабкин: Спасибо, Светлана. Иллюстрация того, что мы говорим не только о штуках, о тоннах металла и количестве продукции, выраженном в деньгах, но мы говорим о развитии сообщества, комфортной жизни, о перспективах для реальных людей, о достойном уровне жизни для молодежи, для старшего поколения, для детей. Мы говорим о людях, о развитии нашей страны. Оксана Генриховна хотела что-то добавить?

Оксана Дмитриева: Тут развернулась дискуссия. Может быть, еще почетче сформулировать то, о чем говорил Олег Николаевич Сосковец. Несколько раз в Государственной Думе разным министрам и вице-преьерам я задавала этот вопрос. Необходим возврат к отраслевому управлению. Когда Андрей Николаевич сказал, что мы занимаемся, и этим занимаемся, и тем занимаемся. Очередной экономист, который возглавляет очередной департамент, управляет всем, начиная от станкостроения, авиационной, судостроительной и всей прочей промышленностью, не зная ни технологию, не отраслевую цепочку.

Поэтому отраслевое управление нужно для того, чтобы осуществлять прикрепление поставщиков к потребителям, и планировать долгосрочный спрос. Потому что, если его не будет, то не будет развития производства. Никто не будет вкладывать, не будучи

уверенным в том, что будет спрос и сегодня, и завтра, и послезавтра, и что не перейдут к китайским поставщикам, индийским поставщикам, и иным. Нужно отраслевое управление, потому что нужно знать отрасль и проходить по технологической цепочке. Ее не восстановить рынком. Один экономист за весь департамент ее не восстановит. При отраслевом управлении нужно воссоздавать или собирать из ничего научно-исследовательские отраслевые институты, научно-исследовательские конструкторские бюро, отраслевые конструкторские бюро. Когда встречаешься с руководителями предприятий, если это не крупная корпорация, то недостаток конструкторов, недостаток научных исследований. Сами они не могут это всё сделать своими собственными силами. Должны быть какие-то общеотраслевые конструкторские и исследовательские центры.

Еще раз по зарплате и социальному пакету. Это тоже большая проблема. Для того чтобы пошли в инженеры самые лучшие, самые талантливые. Потому что там нужны способности. Как я всегда говорю, нет гуманитарных способностей, есть отсутствие математических. Поэтому способные, талантливые, ориентированные на жизненный успех, люди будут идти в те отрасли и заниматься тем, где больше вознаграждение. Альтруисты всегда есть, но их не очень много и на этом не построить. Для того чтобы пошли в инженерные вузы или в тяжелую естественнонаучную специальность, где нужны реальные способности, физматы или химия, или та же биология, они должны быть уверены, что потом, закончив, у них зарплата, вознаграждение и перспективы будут серьезные. А тут проблема. На заводе заплатить инженеру в разы больше, чем клерку в «Сбербанке» или в «ВЭБе» не можете, потому что у вас полетит экономика. И так станок дорогой, и так продукция дорогая, потому что нет серии.

Поэтому нужны специальные дотации, как частично было сделано в ВПК. Молодому человеку, который начинал работать в ВПК, не предприятия и не научная организация, а из бюджета шла специальная доплата. Потому что иначе экономика предприятия не выдержит. Нужно дополнительное прямое финансирование. Спасибо.

Константин Бабкин: Роберт Искандерович.

Роберт Нигматулин: Первое — я полностью поддерживаю ваше предложение. Престиж инженера должен быть выше престижа юриста, банкира. Без этого мы ничего не поднимем. Это надо аномально повышать. Второе — некому учить. Нет профессоров по литейному производству, по станкам, по обработке материалов. Нет, всё, они ушли. Поэтому в полущутку, полувсерьез я говорю, надо заставить работать стариков.

Оксана Дмитриева: Их просто нет.

Роберт Нигматулин: Я работаю.

Константин Бабкин: Но вы нестарый.

Оксана Дмитриева: Но вы самый молодой.

Роберт Нигматулин: Спасибо.

Оксана Дмитриева: Вы самый молодой, потому что есть научные школы, в которых полностью кафедры ушли в мир иной, они закрыты.

Роберт Нигматулин: Мой сын работает в машиностроении. Он говорит: «Приходишь на машиностроительный завод, единственный человек, который что-либо там понимает — это бывший директор, старик, которого держат, потому что пенсия маленькая. Его там просто держат. С ним можно говорить. Все остальные руководители промышленных предприятий не годятся, как правило. Теперь второе. Булат Искандерович хотел отдельно вручить наши подарки членам президиума. Пожалуйста. И последнее. Тут пишут всякие очень нужные предложения по поводу того, что делать в экономике. Коллеги, первое — что вычеркнуть, что добавить, это кратко, это то предложение, которое вы все получили, и которое есть.

Теперь более крупные специальные предложения по здравоохранению, по банковскому делу, по налогам. Будут круглые столы, на этих круглых столах можно это огласить. Каждый круглый стол может сделать еще свой дополнительный документ, который тоже надо опубликовать. Коллеги, если мы только ограничимся этими активными, не очень активными акустическими выступлениями, это всё так и уйдет в пространство. Мы образуем тут 500-600 человек, мы все поумнеем друг от друга, и всё. А нужно документ, нужна бумага, которую рассылаем. Поэтому, пожалуйста, активно работайте над этим. Всё.

Константин Бабкин: Уважаемые коллеги, спасибо за интересную дискуссию, за ваше внимание. Желаю вам всем продолжения работы.